

Остаться можно было и здесь, но дважды засвечивать кредитную карту в одном месте не входило в мои планы.

Ганке можно было только позавидовать. Она словно забыла, что всего несколько часов назад висела между жизнью и смертью, воня кровью и внутренностями сандийца.

Она порхала по улице рядом со мной, кружась и подпрыгивая, распевала какие-то песенки и вообще, казалось, была довольна своей жизнью.

При этом её рубашка жила своей жизнью, как мне казалось, отдельно от неё, раз за разом, открывая моему взору те части тела, которые в нынешнюю минуту я видеть не хотел, они сбивали с мысли о главном — как нам дальше выжить?

— Какой ты смурной! — Ганка подобрала самое, что ни на есть верное слово моему теперешнему состоянию. — Расслабься, мой герой!

— Послушай, фрикийка! Сейчас не до смеха! — Я злился на девчонку, а сам, в тоже время, винил себя за это.

— Хорошо, давай вместе рыдать.

— Не рыдать, а думать!

— Ты мужчина, ты и думай! — Ганка обиженно надула губки.

— Тогда прекрати размахивать перед моими глазами своими обнаженными прелестями!

— Да, пожалуйста! — Фыркнула она и прихватила рубаху за подол, натянув её почти до колен. — Так сойдёт?

— Я не это имел в виду? — Пошёл я напятную. — Просто не делай ЭТО специально!

Так пререкаясь, мы прошагали ещё километра четыре и были теперь в районе низкорослых серых хибар, едва-едва поднимающихся над землёй. Они были разделены по странному принципу, понятному только их строителям — диагональными и круговыми проходами, почти всегда заканчивающимися или парой тупиков и дюжиной длинных обходных лабиринтов. Почти повсеместно были пологие входы в нижний город Хорт.

— Что скажешь? — Я обвел рукой местность. — Лучшее место для ночлега мы врядли найдём.

Ганка фыркнула, зыркнула своими магическими глазищами, но согласилась:

— Идеальный гадюшник!

2

Мы выбрали место ближе к северному краю этого местного прайда, поблизости от двух узких и пологих ходов в Хорт. Чтобы в случае чего иметь возможность скрыться в нижнем городе.

— Здоровья и процветания! — Произнёс я заученную фразу на интерлингве, подойдя к хозяйке одного из домиков.

— Где ты тут увидел процветание, незнакомец? — Не слишком приветливо встретила нас женщина — зилу, неопределённого возраста. — Что вам надо?

— Комната на ночь, на двоих!

Она окинула взглядом Ганку и ехидно ухмыльнулась:

— А что, для такой красотки нельзя найти постель почище и потеплее?

— Нам только переспать и все! — Вышло снова двусмысленно.

— А я разве сказала прополоть грядки?

— Да, и можно мы заплатим утром? — спросил я почти без всякой надежды.

— Да хоть ночью! — Ответила она и повела нас по узкому коридору, заканчивающемуся единственной дверью. — Проходите. Вода в кадке у правой стены.

Я оглядел помещение. Это была крошечная комнатка метра три на четыре и высотой в два с половиной. У стены напротив двери стояла кровать, на которой вполне можно было разположиться даже втроём. Потому она и занимала, почти половину всего помещения. На стенах горели два светильника, они здесь не включаются никогда. Ведь окон в домах нет.

Как и сказала хозяйка у правой стены стояла большая кадка с достаточно чистой водой, что по меркам прандийцев невероятная роскошь.

Ещё был колченогий стол, два косых табурета, а на столе стоял кувшин с какой-то жидкостью лилового цвета. Пробовать её, естественно, мы не решились.

А меня снова ожидал сеанс бесплатного и безстыжего стриптиза. Ганка, ни доли не сомневаясь, скинула рубаху и снова во всех подробностях демонстрировала мне своё прекрасное фрикийское тело. Завлекательно массируя свои груди водой, и вращая прелестной попкой.

Потом, она, как есть голой, развалилась на кровати, раскинув в стороны руки и ноги, совершенно не стыдясь находящегося рядом половозрелого и очень голодного до женского тела, и тоже голого, самца.

Я принял ванну после девчонки, а когда, чуть-чуть обсохнув, подошёл к кровати, она уже спала как ребёнок, подложив под щеку ладошку и подогнув ноги к животу.

Места вполне хватало, я лёг рядом, подсунув под голову подушку, набитую не то травой, не то листьями, и через несколько секунд сам погрузился в глубокий, но беспокойный сон.

Нет, я во сне ни за кем не гонялся, ни с кем не воевал и ни от кого не уносил ноги. Но, чёрт подери эту бесовку Ганку! Меня, хуже любого ножа или бластера, преследовали её прелести, налитые соком, спелые груди, упругая попка и бездонные чёрные глаза. Про остальное умолчу, а ведь я не ребёнок шестнадцати лет отроду.

3

У меня есть шестое чувство — когда на меня пристально смотрят во сне, я моментально просыпаюсь.

Ганка, рассыпав рыжие волосы по голым плечам, с любопытством рассматривала меня, словно намеревалась придушить.

Глаза её были затянuty какой-то, почти атомной поволокой, она глубоко и тяжело дышала, а соски на жестких грудях, стали похожи на переспелые ягоды, готовые выпустить наружу весь свой сок. Эта чертовка, запустила правую руку мне в пах и шурудила там пальцами, поглаживая озверевшие от желания два больших ореха.

Я никогда не сплю со своими клиентками. Но сегодня больше выдержать просто не мог, иначе меня разорвало бы на частицы от жгучего, всепоглощающего желания.

Я приподнялся на локтях и притянул лёгкое податливое тело девчонки, прижав его к себе. На несколько минут став с ней одним целым. Я терзал её, утомленный ею, мстя за весь предыдущий день. Но она оказалась настоящей фрикийской извращенкой! И истерзанным, в результате, оказался я.

Я не помню почти ничего из этой безумной ночи. Отрывки. Сплетенные ноги и руки, стоны, поцелуи, её тёплые, но в тоже время жесткие груди. А еще, сжимающие меня в железных тисках ее бедра, размеренные и быстрые движения... и все, почти темнота! Потом мы лежали рядом голые на кровати, держась за руки и, несли какую-то любовную ахинею.

А потом она запела. Как волшебная птица! И мир для меня снова перевернулся. Наверное, так поют сказочные сирены из древних сказаний. Её голос разрывал пространство и вечность, вплетался в ткань материи, заставляя каждый нейрон мозга то плакать, то смеяться. Её голос был выше самого мироздания, самого Бога, её пение и было Богом!

Представьте себе, когда ноты не просто следуют в определённой последовательности, создавая гаммы, а витают в пространстве целыми семьями, рисуя картины далёких прекрасных миров, и разрушают их! Но вот её песня закончилось и мне показалось, что меня только что грубо обокрали.

4

Я прижал Ганку к себе и мы, наконец, по-настоящему крепко заснули. Утром за нами пришли.

Я почувствовал это сразу. Ещё во сне, когда обнимал Ганку. Это моё уже седьмое чувство. Детективу без него никуда. Настоящий детектив должен воспринимать реальность немного впереди нее самой!

Даже я, хреновый менталист, почувствовал смердящие мысли сангийцев за пару кварталов от нашего убежища. Я разбудил мою фрикийку, и, не говоря ни слова, накинул ей на плечи рубашку, она ничего и не спрашивала. Сам я попутно натягивали шорты.

Мы выбежали в тёплое утро, при этом я успел прикоснуться рукой к терминалу и оплатил услуги нашей хозяйки. Не в моих правилах оставаться в долгу!

Гортанный говор сангийцев был слышен за добрые сто метров. Я подхватил Ганку под руку, и мы метнулись к ближайшему тоннелю в Хорт. Но и нас они

услышали. Теперь неприятный язык наших преследователей, больше походил на грохот канонады двух враждующих армий.

До укрытия оставалось всего метров пятнадцать, когда первый сантиец показался из-за поворота. Тяжелый, как бегемот, но быстрый.

В чём-чем, а в умении бегать им не откажешь! Другое дело с мозгами, у них полный крах! Пока сантиец тыкал в нашу сторону оружием и что-то орал своим дружкам, мы уже добежали лаза в Хорт, и нырнули вниз. При этом я успел развернуться и в прыжке зацепить выстрелом ногу сантийца. Не знаю как серьёзно, но он упал лицом вниз и завертелся по земле, как детская юла. В следующий момент я уже катился по тоннелю, придерживая Ганку, сантийцы, хоть и воины, но плохо переносят боль.

Глава третья